

I. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Прогностические возможности исторического опыта

В. В. Алексеев

Исторический опыт как предмет изучения

Подход к данной проблеме начинается с сакраментального вопроса: учит ли чему-нибудь история? На этот счет было и остается много сомнений. Великий немецкий философ Г. Гегель писал: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее». На этом цитату часто обрывают. Между тем, он продолжает: «Каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния... В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» (Гегель 1935: 7–8). Следовательно, дело не в том, что история ничему не учит, а в том, что в сутолоке спешных решений и бледных воспоминаний (плохих знаний) о прошлом ее поучения не умеют соотносить с настоящим и будущим.

Такое положение объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Главная объективная причина заключается в том, что исторические процессы растянуты во времени, не всегда удается точно соотнести причины и следствия, которые к тому же еще осложняются специфическими чертами характера исторических деятелей и случайными обстоятельствами. Субъективная причина кроется в краткости человеческой жизни по сравнению с длительностью исторического процесса и ог-

раниченности возможностей людей извлекать уроки из прошлого в силу недостаточной подготовленности к этому.

По мере усложнения политических и социальных отношений в обществе все больше возникает потребность учета исторических корней многих явлений. По началу к этому приступали робко. В первой половине XIX в. русский публицист В. Г. Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» (Белинский 1956: 18). Его соотечественник философ социалистической ориентации Г. В. Плеханов в конце того же века уже более уверенно утверждал: «Будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее» (Плеханов 1956: 537). А в XX в. испанский философ Х. Ортега-и-Гассет совсем категорично заявил: «В истории возможно пророчество. Более того, история ровно настолько является научной деятельностью, насколько делает возможным пророчество» (Ортега-и-Гассет 1991: 9).

Последнее принципиально важно в современную эпоху, когда ушли в прошлое абсолютистские режимы, которые могли осуществлять свою волю, не оглядываясь ни на прошлое, ни на настоящее, не задумываясь над тем, какие остатки прошлого могут помешать им в сотворении своего будущего. Нынче в условиях чрезвычайно усложнившегося существования человечества приходится считаться со многими остатками прошлой жизни, которые неожиданно дают о себе знать в самых разных проявлениях, нарушая хрупкое равновесие социальной и природной среды.

Теперь пустое занятие взирать на прошлое, «добру и злу внимая равнодушно». Его надо осмыслить, понять влияние на настоящее и будущее, извлечь позитивные и негативные уроки. Принимая важные решения, необходимо оглядываться на мощные пласт международно-правовых норм, традиций, менталитета и культурно-религиозных устоев разных народов, наконец на принципы демократии и прав человека. Неучет их или даже частичное нарушение ведет к непредсказуемым последствиям, убедительным примером чего является Чечня. Не случайно еще сто лет тому назад выдающийся российский историк В. О. Ключевский предостерегал: «История учит даже тех, кто у нее не учится. Она их проучивает за невсезнство и пренебрежение...» (Ключевский 1989: 373).

Тем не менее в истекшем столетии уроками истории пренебрегали практически все: Романовы, проморгавшие ползущую из Европы революцию; ленинцы, вознамерившиеся совершить мировую пролетарскую революцию, когда капиталистический мир в основном уже пережил критическую стадию своего развития; сталинисты, уповавшие на бесконечное терпение русского народа, что, в конечном счете, привело к депопуляции населения страны; гитлеровцы, устремившиеся к несбыточному мировому господству; брежневцы, неосмотрительно расшатавшие основы системы, которая их питала; горбачевцы и ельцинцы, легкомысленно развалившие

великую страну в призрачной надежде на рыночное благополучие в глобализирующемся мире; и, наконец, американцы, забывшие тысячелетний хаос рушившихся империй, который поглощал как побежденных, так и победителей, рождал принципиально новое мироустройство. Хорошо известно, какие катаклизмы вызвал развал Римской империи, как далеко и долго гремело его эхо. Нечто подобное происходит после распада Советского Союза.

Казалось бы в этой ситуации необходимо было принять все меры для практического использования исторического опыта. Однако, такого в крупном масштабе не происходит, поскольку гуманитарная наука в силу длительного идеологического противостояния заметно отстала от естественно-научного знания. Отсюда гигантский разрыв между техническим и социальным прогрессом, который поставил на грань выживания современную цивилизацию. Для того, чтобы исторической науке отвечать требованиям времени, необходимо широким фронтом перейти от традиционной описательности к аналитичности и прогностичности, научиться добывать полезные знания и применять их в социальной практике. Такая попытка была предпринята в начале 80-х гг. в рамках программы «Сибирь» (Алексеев 1981, 1984). В дальнейшем (1995 г.) она получила большой резонанс на XVIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале (Alexeev 1995), но тогда не нашла широкого распространения в нашей стране.

Для преодоления традиционных представлений о предназначении исторической науки требуется существенная переориентация исследований. Прежде всего необходимо соотнести объемы понятий «историческое знание» и «исторический опыт». Их нельзя стихийно отождествлять. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают различные целевые подходы к его осмыслению и, следовательно, различные результаты исследования. Исторический опыт можно рассматривать как составную часть исторического знания, ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. Такой подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, между прошлым и настоящим, то есть исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты, позитивные и негативные решения, прогрессивные и регрессивные тенденции, вероятность их проявления в будущем.

Устоявшегося понятия «исторический опыт» не существует. Оно нередко опять-таки отождествляется с историческим знанием или сводится к идеологическим штампам. Для того, чтобы выйти из этого порочного круга предлагаем определить *исторический опыт как преемственность*

знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого, ориентированные на выявление закономерностей общественного развития, на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений проблем современности. Исторический опыт по своей сути полифункционален. Из большой совокупности функций выделим в первую очередь три: экспертную, компаративную и прогностическую, что связано с их особой актуальностью (Alexeev 1995: 7–14).

Экспертная функция предполагает оценку уровня развития государства, региона, институциональной структуры или человеческого сообщества на предмет их соответствия современным требованиям, выявления неиспользованных альтернатив развития и оправдавших себя форм деятельности, а также негативных факторов, уяснения корней близких и дальних ошибочных решений, различного рода пережитков, тормозящих прогресс. В совокупности такой подход позволяет сформулировать долгосрочные тенденции развития, учесть закономерности их проявления, показать причины устойчивости или нарушения сложившихся форм деятельности, проследить реакцию населения на сохранение или уничтожение старых форм жизнедеятельности и внедрение новых.

Компаративная функция должна обеспечить сравнение уровня, путей и методов развития сопоставимых объектов с тем, чтобы учесть полезный опыт. Такая конвергенция опыта имеет принципиальное значение, особенно для отстающих стран и регионов. Причем, сравнение приходится иногда проводить между заметно различающимися природно-климатическими, социально-политическими и временными условиями, что чревато ошибочными заключениями, которых необходимо избегать.

Прогностическая функция исторического опыта тесно связана с двумя предшествующими и вытекает из них. Она наиболее ответственна, сложна и менее отработана на практике. А реальна ли она, имеются ли осуществившиеся исторические прогнозы? Они есть. Вот некоторые из них.

Реальность прогнозов

Первым, разработавшим такой прогноз, называл себя известный немецкий философ О. Шпенглер. В 1835 г. французский историк А. Токвиль писал: «В настоящее время существуют на земле два великих народа, которые начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал и об их появлении, и об их величии ... для одного главное средство действия есть свобода, для другого – повиновение. Их исходные точки различны; и одинаково каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волею прови-

дения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира» (Токвиль 1992: 296). Это предвидение сбылось к середине следующего века.

Стали реальностью трагические пророчества о судьбе России в XX в. Еще в 80-х гг. XIX в. русский философ К. Н. Леонтьев, – по словам пассажира «философского парохода» С. Л. Франка, – «с гениальным прозрением, которое теперь кажется почти жутким», предсказал грядущую революцию в России, не либеральную, а коммунистическую (Франк 1992: 497). Прав оказался историк В. О. Ключевский в том, что Алексей (сын последнего российского императора Николая II) править не будет. Отречение Николая II от престола за себя и за сына, дальнейшее уничтожение династии Романовых в 1918 г. стало прологом самого страшного кровопролития в истории России.

В. И. Ленин на рубеже XIX и XX вв. обосновал возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране и подтвердил это на практике Октябрьского переворота 1917 г., а Г. В. Плеханов доказал невозможность построения реального социализма в ней (см. об этом: Тютюкин 1997: 331–332, 345–347). Л. Н. Толстой предупреждал, что если в России рухнет вера, то она на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата (цит. по: Друцэ 2001: 197). Так и случилось, когда дважды рушилась вера, сначала в православие и царя, а затем – в социализм и коммунизм.

Поражают реалистичностью прогнозы выдающегося русского мыслителя XX в. И. А. Ильина. Приведем один из области внутривнутриполитической, другой – внешнеполитической. В первом случае он предупреждал: «...если что-нибудь может нанести России, после коммунизма новые, тяжчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания *успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии...* без которых возможно только *буйство черни, всеобщая подкупность и продажность* и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов...» (Ильин 1998: 449). Так и случилось почти на всем постсоветском пространстве.

В другом случае он акцентировал внимание на том, что посткоммунистическое расчленение России «явилось бы невиданной еще в истории *политической авантюрой*, губительные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена ... *в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная*. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и *гражданскими войнами*, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения». По его подсчетам в этом случае возникнет «до двадцати отдельных государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армии, ни бесспорного национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политиче-

ские ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав; в третьих, иностранные искатели приключений...» «Не умно это, – подводит он итог. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежности на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего *великий народ*... Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!» (Ильин 1998: 338–340). Многое из прогнозируемого Ильиным уже сбылось. Правда, возникло пока не 20, а 15 отдельных государств, но процесс-то еще не завершился.

Возникает естественный, но очень трудный вопрос: каким путем получены эти блестящие оправдавшиеся прогнозы? Он требует глубокого изучения. Очевидно, что они строились не на математических моделях, и, скорей всего, на доскональном знании истории России, ее закономерностей, менталитета правящей элиты и народа, всего многовекового исторического опыта страны с тяжелой судьбой.

Основания для прогнозов

И все же, что может служить основанием для исторических прогнозов? В литературе приводятся разные версии – от предсказаний волхвов и юродивых до строгих математических расчетов. Представляется, что прежде всего необходимо обратиться к самому историческому процессу, который таит в себе огромное количество самых разнообразных материалов для понимания взаимодействия между прошлым, настоящим и будущим. При этом не стоит думать, что исторический прогноз может быть точен до дня и часа или распространяться на многие столетия. Он имеет среднесрочное, вероятностное действие в диапазоне, как правило, определенной исторической эпохи. Задача заключается не в предсказании фантастического будущего, а в попытке поставить на службу обществу исторический опыт прошлого, который необходим для оптимизации человеческой деятельности в будущем.

Закономерности исторических процессов

Основой прогнозирования будущего являются закономерности исторических процессов и аналогии их конкретных проявлений, соотнесенные с реалиями современности. По мнению авторитетного немецкого ученого К. Ясперса: «Лишь история человечества в целом может дать масштаб осмысления того, что происходит в настоящее время» (Ясперс 1991: 276–277). К такому масштабу трудно приблизиться, но мысль о том, что прошлое в значительной степени определяет настоящее и будущее, верна и исключительно перспективна для прогностики, особенно применительно к России, история которой состоит из множества напластований

разных эпох (норманнской, византийской, монгольской и др.), оставивших неизгладимый след в ее судьбе, чувствительный до сих пор и, видимо, на перспективу.

Закономерности исторических процессов проявляются во многих сферах жизнедеятельности. Наиболее универсальной из них являются демографические циклы. Выдающийся французский историк Ф. Бродель писал по этому поводу: «Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет, – но не до конца! – вторые. *В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным*» (Бродель 1986: 42–44).

На основе демографических циклов можно не только глубоко раскрыть прошлую историческую динамику, но и с высокой долей достоверности представить будущую. Такие циклы прослежены на материалах Древности, Средневековья и Нового времени. На Ближнем Востоке насчитывается более 20 демографических циклов, в Китае – 13, а в Южной и Западной Европе – 8. Представитель французской школы «Анналов» Э. Лабрусс доказал, что завершающей стадией цикла является революция и проследил это на примере Великой Французской революции, а американский ученый Дж. Голдстоун детально показал роль перенаселения в серии революций XVI–XIX вв.

Отмеченная закономерность использовалась не только в аналитических и прогностических, но и в прагматических целях. Для предотвращения революций в Европе на почве демографических циклов после Первой Мировой войны по рекомендации английского профессора Дж. Кейнса был введен план Дауэса, а после Второй Мировой войны – план Маршалла. Во второй половине XX в. в условиях демографического взрыва, охватившего «Третий мир», возникла угроза масштабного голода. В 1972 г. был опубликован доклад Римского клуба «Пределы роста», в котором прогнозировалась неизбежность голода и социального кризиса во многих странах. В действительности из 20 хронически голодающих государств мира половина стала ареной восстаний и революций. В целях ограничения размаха революций голодающим странам оказывалась масштабная экономическая помощь, что в определенной степени стабилизировало положение в «Третьей мире».

Уральский исследователь С. А. Нефедов применил теорию демографических циклов к России и выявил их влияние на революционные события в ней, в частности, на революцию начала XX в., что имеет принципиальное значение для ее более глубокого понимания. Любопытно, что Дж. Кейнс, характеризуя трудности перенаселения в Европе накануне Первой Мировой войны, писал, что колоссальные потрясения в России в 1917–1922 гг., являются, быть может, гораздо более следствием роста населения (в годы, непосредственно предшествующие 1914 г., его ежегод-

ный прирост достигал огромной цифры – 2 млн чел.), нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая (Кейнс 1924: 6, 104).

Анализируемая закономерность характерна преимущественно для традиционного общества и начальной стадии его модернизации. Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что она «работает» и в современном обществе, а это необходимо учитывать в прогнозах его развития. В противном случае страну ожидает коллапс, как это случилось с СССР в 80–90-е гг. XX в. Деградировавшее сельское хозяйство в те годы поставило под угрозу продовольственную безопасность государства, когда шел значительный прирост населения. В середине 80-х гг. закупки хлеба внутри страны составили лишь 56 млн тонн, тогда как его поставки из-за рубежа достигли 44 млн тонн (Народное хозяйство 1991: 86–87). Советское правительство тратило огромные валютные ресурсы на обеспечение бесперебойного снабжения продуктами питания городского населения. Тогда никто не предполагал к чему приведет такая политика. Между тем, американская администрация добилась резкого понижения мировых цен на нефть и золото. Советскому Союзу пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники западного капитала. Вследствие растущей финансовой зависимости М. С. Горбачев шел на постоянные политические уступки Западу, что в конце концов привело к гибели СССР. Конечно, здесь были и другие причины, но эта стала одной из главных.

Нынешняя ситуация в России не лучше. Значительная часть продовольствия поступает из-за рубежа. Если по каким-то причинам его поставки сократятся или совсем прекратятся, понятно в каком положении окажется страна с разваленным сельским хозяйством при начинающемся росте рождаемости. Следовательно, рассмотренные выше демографические циклы остаются важной закономерностью и в современных условиях, а потому требуют своевременного прогнозирования.

Обращение к историческим циклам России продуктивно в плане учета столетних и 25-летних трендов. Рубежи последних четырех столетий озаменовались переменами основополагающего свойства. В конце каждого из предшествующих веков развивалась фаза распада, достигающая апогея в 10-е годы последующего, а затем наступала фаза возрождения. Рубеж XVII в. – Смута, воцарение новой династии, потом национальный подъем; рубеж XVIII в. – неудачное начало Северной войны, реформы Петра I, затем выход на европейскую арену; рубеж XIX – нашествие Наполеона, его изгнание, приведшее к лидерству в Священном союзе европейских государств; рубеж XX в. – поражение в Первой мировой войне, развал империи, кардинальная смена политического режима и постепенный переход к сверхдержаве; рубеж XXI в. – распад Советского Союза, либеральные реформы. Не исключена вероятность того, что апогеем пятого столетнего

цикла станут 10-е гг. XXI в., как это случалось в 1610–1613 гг., 1708–1709 гг., 1812–1814 гг., 1914–1917 гг.

Внутри вековых циклов регулярно действуют четвертьвековые, связанные со сменой политических элит, что имеет принципиальное значение в авторитарных режимах. Два последние века убедительно подтверждают эту тенденцию. 1801 г. – убийство императора Павла I, вступление на престол Александра I, принципиальные изменения во внутренней и внешней политике государства; 1925 г. – смерть Александра I, воцарение Николая I, николаевская реакция; 1855 г. – смерть Николая I и восшествие на престол Александра II, отмена крепостного права, буржуазные реформы; 1881 г. – убийство Александра II, приход к власти Александра III, контрреформы; 1894 г. – смерть Александра III, восхождение на престол Николая II, Первая мировая война, революция в России; 1917 г. – отречение от престола Николая II, установление Лениным Советской власти; 1937 г. – утверждение сталинской диктатуры, уничтожение ленинской гвардии, активная фаза социалистических преобразований, Отечественная война; 1953 г. – смерть Сталина, десталинизация, хрущевские реформы; 1964 г. – отстранение от власти Хрущева, приход Брежнева, сверхдержава и застой; 1982 г. – смерть Брежнева, горбачевская перестройка; 1991 г. – избрание Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, распад Советского Союза, либеральные реформы.

Таким образом, на протяжении двух последних веков российской истории средняя продолжительность каждой правящей элиты колебалась в пределах 20–25 лет, за небольшими исключениями: Александра III, Хрущева, Ельцина. Все обозначенные выше элиты имели ярко выраженное политическое лицо и определяющее влияние на исторические процессы в России. Следовательно, при слабых демократических традициях нашего Отечества судьбу страны в основном определяла правящая личность и ее окружение. Со смертью Брежнева эта тенденция начала размываться, и теперь стоит вопрос: что будет со страной после 25-летия со времени его ухода, в 2008 г.? Тем более, что ориентировочно на это время приходится апогей пятого столетнего цикла российской истории.

В связи с авторитарностью политических режимов не лишне обратиться к прогнозированию возникновения диктатуры. Еще в 1650 г. во время Фронды во Франции кардинал Д. Мазарини писал: «Беспорядки, когда они доходят до крайности, неминуемо ведут к утверждению абсолютной власти». На практике это вскоре подтвердил король Людовик XIV, заявив парламенту: «Господа, вы полагаете, что государство – это вы? Государство – это я!» Опираясь на опыт Цезаря по усмирению Галлии, Екатерина II предсказала появление диктатора в революционной Франции до пришествия Наполеона (Русский архив 1879: 177). Хорошо известно, что большевистская диктатура в России была установлена в ходе хаоса, порожденного поражениями в Первой мировой войне и Фев-

ральской революцией. Все последующие диктатуры, будь то гитлеровская, пиночетовская и многие другие, устанавливались в аналогичных условиях. Отсюда вывод, заключающийся в том, что грань между демократией и диктатурой очень тонкая, и весь вопрос в том, как ее своевременно и правильно уловить. Не исключено, что в условиях обнищания значительной части населения нынешней России и острого противостояния политических сил попытка одной из них добиться своей гегемонии может подтолкнуть к диктатуре.

Для исторического прогноза необходимо глубокое знание положения в стране и тенденций его развития. В феврале 1914 г. далекий от социалистических убеждений член Государственного Совета Российской империи П.Н. Дурново в специальной «Записке государю» обосновал тезис о том, что в России «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое», так как «крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабрикантов». Именно это и произошло в 1917 году. В нынешней ситуации крестьянин, помня коллективизацию и раскулачивание, не очень рвется к земле, а рабочий, по некоторым социологическим опросам, думает примерно также как и во время Дурново. Тот же Дурново в той же «Записке» на основе опыта неудачной войны с Японией и последовавшей за ней революцией в России с удивительной точностью предсказал развитие событий в стране в случае поражения в войне с Германией. «В побежденной стране, – писал он, – неминуемо разразится социальная революция... Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддастся даже предвидению» (Дурново 1922: 195–197).

Известны и более широкие исторически параллели, носящие прогностический характер. 25 января 1917 г. российский министр финансов П. Барк, выступая на Петроградской конференции Антанты, поведал, что цены в России поднялись в 4–5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах. «Если курс рубля не будет поддержан, – утверждал он, – то возможна катастрофа, как во время французской революции» (цит. по: Сидоров 1960: 430). Во Франции к февралю 1793 г. стоимость ассигнации упала до 50% номинала, по стране прокатилась волна голодных бунтов, которая привела к власти якобинцев. Спустя 124 года Антанта не поддерживала русский рубль, и через месяц случилось то, что прогнозировал Барк – произошла Февральская революция. Вообще этапы российской революции, понятые в широкой исторической ретроспективе, напоминают французскую, и не исключено, что России еще придется повторить некоторые из них (см. подробнее: Алексеев 2006).

Исторические параллели, компаративный анализ играют важную роль в прогнозировании будущего, поскольку дают представление о том, какими этапами, с какими позитивами и негативами пришли те или иные страны к настоящему, и как все это может быть учтено государствами,

становящимися на аналогичный путь. Убедительно это делает К. Ясперс в своей концепции Осевого времени (800–200 гг. до н. э.), сравнивая синхронность основополагающих исторических процессов в Индии, Китае, Иране, Палестине и Греции, которые до сих пор активно проявляются в жизни многих народов, прежде всего в религиях, оказывающих и поныне огромное влияние на все стороны жизни населения планеты.

С таких же позиций можно посмотреть на выводы, вытекающие из великих географических открытий. Испания и Португалия, получившие в результате их колоссальное богатство, потратили его на фантастическую роскошь, затормозив развитие своих экономик, в то время как Англия употребила «колониальные товары», доходы от них на интенсивное развитие своей экономики, превратившись в «мастерскую мира», в могущественную империю. А Испания и Португалия остались второстепенными государствами. Как бы не случилось нечто подобное с Россией, когда исчерпаются ее энергоресурсы или упадет спрос на них.

Второй сюжет из области прогностической компаративистики связан с важнейшей проблемой перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному и прогнозированию вступления в постиндустриальное. Россия встала на этот путь двумя столетиями позже ведущих западных держав и шла по нему очень медленно, противоречиво вплоть до первой четверти XX в., что привело к значительному отставанию от цивилизованного мира. В ходе модернизации XX в. это отставание было кардинально сокращено, но ее прервали либеральные реформы начала 90-х гг., погубив половину индустриального потенциала страны. Прерванная модернизация опасна противоположными крайностями. С одной стороны, попытками вернуться назад для завершения ранее начатых процессов, что ведет к закреплению архаики. С другой стороны, стремлением любыми путями прорваться в будущее, не гнушаясь никакими средствами, что чревато радикализмом и экстремизмом. В России такое уже было на рубеже XIX и XX вв., когда прервалась пореформенная буржуазная модернизация и началась радикальная большевистская. Сегодня наблюдается подобие завершения некоторых ранее начатых процессов, а завтра могут возобладать радикальные.

Значение традиций и менталитета народа для его будущего

Обозревая широкие горизонты исторического опыта и его прогностические возможности, необходимо заглянуть в глубины российской ментальности, без знания которой невозможны надежные прогнозы для нашей неординарной страны. У россиян особый менталитет, свои обычаи и нравы, которые проявляются в их действиях и поступках. Названные категории постепенно трансформируются, но не настолько быстро, чтобы коренным образом менялся порядок принятия решений. Тем более, что в условиях

огромной страны с большой численностью населения подвижки массового сознания происходят относительно медленно, что оптимизирует надежность прогнозов. Примером могут служить уверенность большевиков в принятии массовым сознанием общинных и социалистических ценностей в ходе революции начала XX века и непринятии либеральных реформ в его конце. Неучет этих реалий привел к тяжелым последствиям. Контрастом могут служить Китай и Япония, где либерализм лег на более благоприятную для него историческую почву.

Широко известна поговорка «русские долго запрягают, но быстро едут». Свидетельством тому являются высокие темпы петровских и сталинских преобразований. Сначала поражения, а потом блистательные победы во многих войнах. Прогресс в России нередко насаждался силой, путем революций сверху, чаще более кровавых, чем снизу. Через определенное время они сменялись глубоким застоём. Цена российских преобразований, как правило, очень высока. Об этом свидетельствуют опять-таки эпохи Петра I и Сталина.

В перспективе ожидать легкое решение российских проблем также не приходится, учитывая огромные масштабы страны, трудные природно-климатические условия, постоянный дефицит финансовых ресурсов и другие усложняющие обстоятельства. Здесь придется вспомнить оценку В.О. Ключевского, который писал о том, как «природа и судьба вели великоросса так, что приучали его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее – только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу» (Ключеский 1995: 280).

Чтобы вырваться из порочного круга, обрекающего страну на бесконечный кризис, необходим тщательный анализ сочетания новаций и традиций в русской жизни. Не одна реформа и даже революция утонули в трясине нашей «самобытности». Опять же В. О. Ключевский, характеризуя буржуазные реформы второй половины XIX в. писал: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу» (Ключевский 1955: 362–363). Нечто подобное произошло и с последними либеральными реформами. Следовательно, главный вопрос не только в том, какую модель взять для преобразования России, а в том, как ее адаптировать к российской действительности.

Задумываясь о перспективах России, нельзя не учитывать бесконечное «раскулачивание», которое обескровливает экономику. При всей несхожести таких российских явлений как опричнина, закрепощение, раскрепощение крестьян, коллективизация, национализация, приватизация у них как один общий корень – непрекращающаяся грубая смена формы собственности, которая сжирает все накопления общества. Такая же практика

«раскулачивания» господствовала и в политической сфере. Взойдя на престол, Анна Иоанновна собственноручно выковыряла бриллианты из короны Екатерины I, Свердлов прибрал к рукам сокровища трехсотлетней династии Романовых, Хрущев вытряхнул Сталина из мундира генералиссимуса великой Победы, Горбачев сдал завоевания своего народа в Великой Отечественной войне, а Ельцин, чтобы лишить Горбачева власти, прекратил существование СССР. Такое возможно только в стране с низкой политической культурой.

Во все времена бедствием для России было чиновничество, «крапивное семя», как его называли в народе. Если в имперский период чиновники служили определенным классам, под их жестким контролем, то теперь они сами превратились в привилегированный класс, никому не подотчетный. В этом отношении страна вернулась едва ли не в постпетровское безвременье, когда в правительственном манифесте от 9 января 1727 г. признавалось, что «умножение привилегий и канцелярий во всем государстве не токмо служит к великому отягощению штата, но и к великой тягости народной... Разные управители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей, и особливый свой суд, и каждый по своим делам бедный народ волочит» (История 1911: 58; Готье 1941: 132–134).

Печальные параллели можно провести между уголовщиной начала и конца XX в. Временное правительство, выпустив в марте 1917 г. из тюрем тысячи заключенных, не подозревало, что значительная часть из них быстро приспособится к новому режиму, вольется в него. Уголовники, признавшие большевиков, встали в партию и даже в ЧК. Кто не сделал этого, был уничтожен тем же ЧК. Так слилось политическое и уголовное. Часть криминала стала чиновничеством, а часть чиновничества стала криминалом. Нечто подобное происходит в современной России.

Эти размышления приводятся не для элементарного знания о том, как поступали наши предки в прошлом. Они, конечно, не претендуют на ранг прогнозов, но ясно дают понять, что их необходимо учитывать в прогнозировании будущего страны для того, чтобы избежать типичного российского парадокса – «созданное вчера считалось дурным завтра и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера».

Разумеется, для прогнозирования перспектив важно не только учитывать преемственность традиций, ориентированных на прошлое, но и перемены, которые несет с собой будущее. Более того, преемственность и перемены надо как-то совместить, понять их взаимодействие, а для этого гуманитарного знания, исторического мышления недостаточно. Нужна количественная история, широкие динамические ряды и математические модели, одинаково хорошо понимаемые как математиками, так и историками.

Библиография

- Алексеев В. В. 1981.** Исторический опыт освоения Сибири – в современную практику. *Известия СО РАН СССР. Серия общественных наук* 11/3: 10–14.
- Алексеев В. В. 1984.** Программно-целевой подход к историческим исследованиям. *Известия СО РАН. Серия общественных наук* 3/1: 8–13.
- Алексеев В. В. 2006.** Столетняя революция в России. *Марксизм и современность. Первый китайско-российский форум мыслителей.* Пекин. С. 27–34.
- Белинский В. Г. 1956.** Полное собрание сочинений. Т. 10. М.
- Бродель Ф. 1986.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. Т. I. *Структура повседневности.* М.
- Гегель Г. 1935.** Сочинения. Т. 8. М. – Л.
- Готье Ю. В. 1941.** История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М. – Л.
- Друц И. 2001.** Реплика Толстого. *Дружба народов* 8: 197.
- Дурново П. Н. 1922.** Записка. *Красная новь* 6: 195–197.
- Ильин И. А. 1998.** Собрание сочинений. Т. 2. М.
- История. 1911.** История Правительствующего Сената за 200 лет (1711–1911 гг.). Т. 2. СПб.
- Кейнс Дж. 1924.** Экономические последствия Версальского договора. М. – Л.
- Ключевский В. О. 1955.** Сочинения в 9 томах. Т. 8. М.
- Ключевский В. О. 1989.** Сочинения в 9 томах. 2-е изд. Т. 2. М.
- Ключевский В. О. 1995.** Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.
- Народное хозяйство. 1991.** Народное хозяйство СССР в 1990 г. *Статистический ежегодник.* М.
- Ортега-и-Гассет 1991.** Что такое философия? М.
- Плеханов Г. В. 1956.** Избранные философские произведения. Т. 1. М.
- Русский архив. 1879.** Письмо Екатерины II к Гриму от 13 января 1791 г. *Русский архив* 1879: 177.
- Сидоров А. Л. 1960.** Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М.
- Токвиль А. 1992.** Демократия в Америке. М.
- Тютюкин С. В. 1997.** Плеханов. Судьба русского марксиста. М.
- Франк С. Л. 1992.** Духовные основы общества. М.
- Ясперс К. 1991.** Смысл и назначение истории. М.
- Alexeev V. V. 1995.** *Historical Experience as a Subject for Study.* Montreal (XVIII International Congress of Historical Sciences).